

Протоиерей Максим Козлов

Мы можем научить и организовать, но человек сам должен идти к той цели, ради которой существует семинария

Председатель Учебного комитета Русской Православной Церкви протоиерей Максим Козлов в интервью «Журналу Московской Патриархии» дает свою оценку современному состоянию духовного образования в Русской Церкви, обозначает те главные задачи, которые сегодня ставит перед собой Учебный комитет, рассказывает о системе рейтинга семинарий и делится своими соображениями о возможностях финансирования региональных духовных школ.

**Большинство учащихся —
вчерашие школьники**

— Ваше Высокопреподобие, на протяжении большей части своей жизни вы так или иначе связаны с духовным образованием — многие годы преподавали в МДА и Сретенской семинарии, а в последнее время возглавляете Учебный комитет. Как вы оцениваете современное состояние духовного образования в Русской Церкви?

— Начнем с простого, посмотрим на количественные показатели. В системе духовного

образования на территории Российской Федерации сейчас действует Общецерковная аспирантура и докторантура, три академии, тридцать восемь семинарий, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет и Российский православный университет. Это главные вузы, которые и являются фундаментом духовного образования. За рубежом действует одна духовная академия (Минская) и семь духовных семинарий (без учета учебных заведений Украинской Православной Церкви).

Но надо учесть и ассоциированные учреждения — центры подготовки приходских специалистов, которых на сегодня сорок один. Также Учебным комитетом курируются и курсы повышения квалификации духовенства, они есть во всех митрополиях и во многих епархиях.

Всего в системе высших духовных учебных заведений Русской Православной Церкви обучается 9341 человек, из них в духовных школах России — 8225 человек. Преимущественно это, конечно, юноши, готовящиеся к священническому служению. Но также на регентских и иконописных факультетах учится немалое количество девушек¹.

Большинство учащихся сегодня — вчерашние школьники, хотя есть и небольшой процент людей, уже получивших высшее светское образование. Есть те, кто не имеет высшего образования, но приходит не сразу после школы, а отслужив в вооруженных силах, накопив жизненный опыт и сделав выбор в пользу будущего церковного служения. На сегодня все наши семинарии в Российской Федерации имеют лицензию на ведение образовательной деятельности, а более половины из них реализуют федеральный государственный образовательный стандарт по теологии. Остальные семинарии параллельно с теологией реализуют церковный образовательный стандарт, который в основном совпадает с государственным.

Одиннадцать духовных школ имеют государственную аккредитацию на программы бакалавриата. Пятнадцать духовных школ имеют программы магистратуры, из них восемь имеют государственную лицензию, а четыре прошли государственную аккредитацию. Аспирантура на сегодня действует в Московской духовной академии, Санкт-Петербургской духовной

академии и в ПСТГУ, на последнем заседании Священного Синода было принято решение об открытии аспирантуры в Сретенской духовной семинарии, в связи с этим также получившей статус академии. Кроме того, решением Синода в Калужской духовной семинарии была открыта магистерская программа по профилю «Русская патрология XVIII – начала XIX веков».

Еще важно добавить, что наши семинарии должны удовлетворять всем требованиям, которые российское законодательство предъявляет сегодня к высшему образованию как по материальному обеспечению учебного процесса, так и по профессорско-преподавательскому составу и иным показателям жизнедеятельности

вуза. Я могу сказать, что за последние годы уровень квалификации педагогических кадров у нас значительно вырос и поддерживается через регулярно организуемые Учебным комитетом курсы повышения квалификации преподавателей. Отдельно следует отметить, что эта работа распространяется и на регентов. Данное направление возглавляет декан факультета церковных искусств Санкт-Петербургской духовной академии Елена Михайловна Гундяева.

— Можно ли говорить, что сейчас духовные школы, несмотря на географический разброс и различные местные условия их существования, представляют собой единое целое, составляют ту самую систему духовного образования, устройство которой является задачей Учебного комитета?

— Лет пятнадцать назад наши духовные школы представляли собой «систему контрастов»: было где густо, где пусто, где учились серьезно, а где «чему-нибудь и как-нибудь». Но сегодня, конечно, пройден большой путь к созданию единого образовательного поля Русской Православной Церкви. Это не значит, что везде преподают одинаково квалифицированно и результаты везде однозначны. Но, во-первых, это и невозможно в целом. Гарвард всегда будет отличаться от университета Онтарио; даже при том, что требования ко всем духовным учебным заведениям примерно одинаковые, образование в Московской или Санкт-Петербургской духовной академии всегда будет отличаться от скромной семинарии в глубинке. Но все же был разработан и утвержден Высшим Церковным Советом и Священным Синодом единый учебный план, Учебным комитетом осуществляется контроль, в том числе дистанционный, за проведением выпускной аттестации в семинариях. Сотрудники Учебного комитета и ведущих духовных школ входят в дистанционный состав аттестационных комиссий как на итоговых экзаменах, так и на защитах бакалаврских или магистерских работ. Единая система «Антиплагиат» проверяет качество отданных ВКР во всех высших духовных учебных заведениях.

Но при этом утверждать, что искомый результат достигнут, конечно, слишком оптимистично. Обратной стороной милой «семейности» небольших провинциальных семинарий ста-

новится излишне снисходительное отношение к собственным учащимся как с точки зрения результатов учебы, так и в стремлении любой ценой выглядеть хорошо перед церковным центром. И тут идут вечные состязания меча и щита, проверок и способов их обходить. По-человечески это понятно, но иногда и огорчительно, честно говоря. Но больше всего меня сегодня тревожит и огорчает уровень наших абитуриентов на входе и уровень наших выпускников на выходе. С уровнем абитуриентов мы, наверное, ничего не можем поделать. Это выпускники средней школы, пострадавшие от ЕГЭ и нынешнего состояния среднего образования в нашей стране, которое восторга не вызывает. Я вижу, как падает уровень выпускников средней школы, с какими невысокими общекультурными знаниями люди поступают в семинарии. Во время проверок мы беседуем с семинаристами, есть вопросы, которые я всегда задаю. К примеру, прошу назвать трех русских писателей — классиков девятнадцатого столетия. Трех обычно как-то одолеют. Но когда просишь перечислить, скажем, три прозаических произведения Пушкина или спрашиваешь, как звали главного героя в «Герое нашего времени» или трех братьев Карамазовых, то оказывается, что знаний нет никаких. По истории тоже отсутствуют базовые знания. С другой стороны, объективности ради должен сказать, что к нам зачастую идут не лучшие выпускники средней школы.

Вторая серьезная озабоченность — это результаты обучения в духовной школе. В рамках тех же инспекций мы проводим письменное тестирование выпускников курса. Это аналог того, что они будут сдавать на едином итоговом экзамене. Если здесь средний балл превышает три с небольшим, это считается хорошим результатом, больше трех с половиной — это уже очень хороший результат, а средняя четверка — редкая удача.

Особенно неблагоприятная ситуация складывается с освоением литургики. Может быть, это не ново — та же проблема была и в первой половине XIX столетия: преподаватели и в ту пору свидетельствовали, что есть разрыв между практической литургией и тем, что проходят на занятиях.

Но в настоящее время все же непонятно: если семинаристы участвуют в богослужениях

9 341

человек обучается
в системе высших духовных
учебных заведений Русской
Православной Церкви

8 225

человек обучается
в духовных школах
России

во время обучения, если есть практика, есть послушания и общая включенность в литургическую жизнь, почему литургика усваивается плохо? Ищем пути преодоления такой ситуации, стараемся переформатировать программу предмета. Может быть, это связано с тем, что, скажем так, комбинаторика и системность Типикона очень сильно расходятся с практикой его реализации — по сути дела, каждый человек сам должен будет ориентироваться на какую-то местную епархиальную или приходскую традицию. Генеральный подход видится в переформатировании программы так, чтобы показывать формирование богослужения в истории, чтобы студент, выпускник видел логику развития. Соответствующий проект программы сейчас в МДА разработан Алексеем Мстиславовичем Пентковским, в Средненской семинарии происходит переосмысление преподавания литургических дисциплин, на курсах повышения квалификации преподаватели эту тему очень живо обсуждают. Все понимают, что здесь есть необходимость серьезных изменений.

— *Что еще, кроме учебного курса литургики, требует скорейшего изменения, на ваш взгляд?*

— Вторая область неблагополучия — это, как ни странно, история Русской Православной Церкви. Может быть, из-за большого объема материала и степени его детализации; может быть, из-за восприятия этого предмета как набора рассказов о давних днях, непонятно как приложимых к сегодняшней действительности. Но здесь, видимо, проблема состоит и в том, что человек, приходящий в семинарию, не имеет достаточного уровня базового школьного образования. А развернутый курс гражданской истории, помимо церковной, просто невозможно поместить в учебный план. Думаем, как изменить эту ситуацию. Но благополучной я бы ее сегодня не назвал.

Дорожная карта для семинарии

— *Из ваших слов понятно, что главной задачей сейчас является систематизация и повышение качества усвоения материала, уровня образования. Всем — учащим и учащимся, а также и правящим архиереям — известно о системе оценок, рейтингах учебных заведений, которую ввел Учебный комитет. В чем суть и цель этого анализа?*

— Рейтинг по благословию Святейшего Патриарха стал применяться с 2012–2013 учебного года. Тогда, после моего назначения первым заместителем председателя Учебного комитета, Святейший Патриарх благословил провести в очень сжатые хронологические сроки оценку состояния духовного образования. Менее чем за полгода сотрудники Учебного комитета объехали все высшие духовные учебные заведения, на тот момент существовавшие в России и в ближнем зарубежье. И стало понятно, что нужно создать некую систему, по которой можно было бы сопоставить их между собой таким образом, чтобы качество и соотносительная ценность каждого могли бы стать понятны внешнему независимому наблюдателю. Тогда были разработаны первые критерии рейтинга. Туда вошли все те элементы, которые впоследствии сохранялись, хотя и неоднократно перерабатывались, уточнялись, переоценивались. Это материальная база, учебно-методическая база, нормативное обеспечение, профессорско-преподавательский состав, производство, обеспечение библиотечными ресурсами и воспитательная работа. Учитывались при выработке нашего рейтинга разные схемы, существующие в высшем светском образовании, но было и что-то уникальное, хотя бы потому, что воспитательная работа — это специфика практически только духовной школы. Высшее светское образование воспитательной деятельностью си-

стемно не занимается. Когда в 2013 году первый рейтинг был представлен священноначалию, он получил одобрение Святейшего Патриарха и Священного Синода. Рейтинг не является документом, который публикуется в церковных изданиях, но все участники процесса получают его, зная, что он рассмотрен Священным Синодом. Соответственно, свое поощрительно-стимулирующее или порицающе-стимулирующее воздействие он тоже оказывает. Есть четыре главные группы духовных школ. Верхняя, топовая, — вполне благополучная. Это, так сказать, лидеры нашего духовного образования. Основная, вторая, — такие добротные середнячки; и третья группа — такая, где есть элементы риска, невыполнение тех или иных значимых показателей. И четвертая — это красная зона. Там, где уже наступали санкционные действия, которые в иных случаях приводили к смене руководства семинарий, в иных — к тем или иным ограничениям их деятельности. Скажем, это могло быть предложение отказаться от набора на магистерские программы до стабилизации ситуации с базовым уровнем бакалавриата. В ряде случаев действенным оказывался запрет приема на сектор заочного обучения, который часто значительно превышал очный сектор по количеству обучающихся.

— *А каков шаг? Понятно, что оценка находится в динамике и зависит не от одного*

вашего визита. Вы же эту оценку, наверное, регулярно обновляете в отношении к каждой духовной школе?

— Есть то, что называется листом самообследования. То есть материалы, которые предоставляются ежегодно каждой духовной школой в Учебный комитет. И наше постоянное участие в выпускной аттестации, которое оказывается все более значимым. Тут я сделаю оговорку: в целом рейтинг столбальный и есть критерии, по которым формируются эти четыре группы по достижении определенной суммы баллов. У нас сейчас не много семинарий в четвертой группе рейтинга. Имеет значение и инспектирование, которое проводится минимум раз в три года. Конечно, система не идеальна, есть и пострадавшие, те, кто ближе к началу исследования находятся. Но мы сейчас думаем над укрупнением шага. То есть стоит задача сделать изменение рейтинга не ежегодным, а раз в два или в три года, когда вся совокупность семинарий просмотрена, с тем чтобы сделать все же этот переход единовременным. Соответствующие предложения Учебным комитетом будут внесены в конце этого года на рассмотрение Высшего Церковного Совета.

— И каков у ректора семинарии временной ресурс, чтобы попробовать выйти на новый уровень?

— Обычно по итогам посещения инспекции делается дорожная карта выполнения предписаний Учебного комитета с конкретными временными сроками, ответственными за исполнение и определенными показателями; это тоже может влиять на рейтинг. Что-то ведь можно проверить документально. Не было правильно оформленных документов на общежитие, но позже их прислали — значит, в этом отношении балл изменился на позитивный. В целом сейчас уже многое меняется в лучшую сторону, а когда мы начинали, то нужно было добиться очевидного: правильно оформить помещения, чтобы у студентов были общежития, организовать надлежащим образом питание и та же совокупность документов на это наличествовала, чтобы преподаватели не числились по волонтерским договорам, радостно преподавая как бы даром или реально ни за что, в силу, так сказать, некоей церковной дисциплины и так далее.

Двухбалльная система оценок уходит в прошлое

— Непростой вопрос оплаты преподавателей в региональных семинариях вы как-то тоже контролируете?

— Мы, безусловно, отслеживаем этот процесс; поскольку бюджеты в семинариях формируются по-разному, здесь невозможно предъявлять однозначные требования, потому что зачастую выделяется определенная сумма, и больше на семинарию денег нет. Хотя возникает вопрос: если у вас нет денег на полноценное содержание семинарии, нужно ли содержать семинарию в таком случае? Но за эти годы хотя бы была прекращена система волонтерских договоров и вообще практика использования труда людей без оформления. Сложность в том, что, исключая центральные духовные школы, финансиру-

На сегодня все наши семинарии в Российской Федерации имеют лицензию на ведение образовательной деятельности, а более половины из них реализуют федеральный государственный образовательный стандарт по теологии.

ние семинарий определяется целиком местным церковным бюджетом, а значит, во многом расположением или отсутствием такового у правящего архиерея. Тут есть две составляющие: объективные и субъективные. В Церкви очень многое зависит от правящего архиерея во всех сторонах жизни. Где есть очевидная заинтересованность в развитии и в поддержке семинарии, там и с бюджетом, и с зарплатами преподавателям ситуация нормальная. И примером может быть Пензенская духовная семинария. Внимание к ней со стороны правящего архиерея очень велико. Соответствующие проблемы отсутствуют.

— Каким вам видится решение этой проблемы в других регионах?

— С одной стороны, здесь косвенно помогает аккредитация. Потому что выход семинарии на аккредитацию дает право участия в государственном конкурсе на получение бюджетных мест. В том случае, если вас одобряют, — а это

с большинством семинарий у нас на сегодняшний день происходит, — то получается, что часть бюджета начинает формироваться за счет государственного финансирования. И когда все четыре курса софинансируются государством, это уже значительная поддержка, что снимает отчасти нагрузку с епархии и дает дополнительные средства семинарии. Мы относимся к этому процессу положительно, потому что это повышает управляемость и ответственность семинарии и одновременно повышается ответственность епархии за то, что происходит в семинарии. Идеальной схемой — может быть, нереализуемой в нынешних непростых условиях — мне виделось бы такого ро-

Убежден, что подготовка клириков и в будущем должна осуществляться в закрытых учебных духовных заведениях семинарского типа с проживанием большей части учащихся в стационаре и с неразрывным прохождением не только учебы, но и совместной молитвы, а также опыта взаимодействия и претерпевания друг друга, от сокурсников до администрации, во время обучения.

да финансирование семинарий, которое складывалось бы частично из местного церковного бюджета, частично из государственного, а частично из центрального церковного бюджета за счет тех отчислений, которые на эти цели от епархии шли бы в общецерковный бюджет. Тогда и финансовая сторона жизни духовных школ, и уровень зарплат был бы более контролируемым из центра.

— *Насколько можно судить, Учебный комитет сейчас достаточно энергично вмешивается в образовательный процесс в семинариях. При этом духовная семинария всегда была вотчиной правящего архиерея, источником для пополнения кадров местного духовенства и украшением епархиальной жизни. С таким активным и настойчивым вмешательством в эту сложившуюся столетиями практику, не чувствуете ли вы какое-то недовольство, непонимание, исходящее со стороны правящих архиереев?*

— Безусловно, любая проверка Учебного комитета наибольшую радость вызывает тогда, когда

комиссия уехала, самолет взлетел или поезд отбыл от перрона. Это при всех теплых словах, которые говорятся всякий раз во время нахождения инспекционной комиссии о важности присутствия, о братском соработничестве, о контроле. Но я должен сказать, что отношения складываются по-разному. Есть очень позитивные примеры, когда мы видим искреннюю заинтересованность правящих архиереев в нашем сотрудничестве. В основном это касается семинарий, располагающихся в верхней части рейтинга, где априори понятна позиция правящего архиерея. Бывают ситуации, когда мы находимся в непростой дискуссии. И архиереи с представителями семинарий приезжали в Учебный комитет для разбора конкретных ситуаций. И в иных случаях происходила коррекция нашей позиции, но чаще это приводило к тому, что в отношении к администрации, которая не вполне правильно информировала правящего архиерея, принимались меры на местах. Безусловно, есть и непреодоленные сложности. В основном в тех случаях, когда речь идет о возрастных архипастырях, сохранивших теплые воспоминания о юности или молодости, о своем обучении в старой духовной школе. Я тоже сохраняю очень теплую память о Московской духовной академии второй половины 1980-х — первой половины 1990-х годов. Но понятно, что жить так, как мы жили тогда, невозможно. Урочноопросная система, которая тогда применялась, зачитывание одних и тех же учебных пособий на протяжении многих лет, двухбалльная система оценок, когда студенты выпускных курсов огорчались четверке, все это должно уйти в прошлое. Иногда ситуация приводила к тому, что правящие архиереи, ректоры семинарий, оказывающихся в нижней части рейтинга, приглашались на встречу в Управление делами Московской Патриархии, и здесь управляющим делами уже ставились соответствующие вопросы.

— *Хорошо, а все же, на ваш взгляд, какова степень самостоятельности правящего архиерея в управлении семинарией, или пока еще образование находится в той стадии, когда ручная настройка из центра приоритетна?*

— Я думаю, что ручное корректирование и контроль необходимы, но при этом здесь тоже есть вполне четкое распределение ответственности. Напомню, что назначение ректора — это по Уставу нашей Церкви прерогатива Священного

Синода. Есть определенное требование к кандидатуре ректора. Он должен быть кандидатом богословия, или если назначался человек, не имеющий этой степени, то он обязывался в очень ограниченной перспективе выйти на написание и защиту кандидатской диссертации. Это тоже определенного рода компромисс, но есть епархии, где сложно с квалифицированными кадрами и не всегда находится подходящий человек на должность ректора. Что же касается подбора преподавательских кадров, то, безусловно, это полностью контролируется правящим архиереем. Никто не может заставить его принять того или иного специалиста. Но принятые и назначенные люди должны удовлетворять государственным и церковным требованиям о кадровом профессорско-преподавательском составе высших духовных учебных заведений. Лекции должны читать профессор, доценты и старшие преподаватели. Должно быть не меньше 60% остепененных лиц, которые ведут эти занятия. Нужно проходить повышение квалификации с определенной периодичностью. Архиерей, конечно, старается подобрать такие кадры. Кто, как не он, знает: может быть человек вполне учен, но нравственно неудовлетворителен для преподавания в духовной школе. Он может освободить остепененного человека на основании совокупного опыта. Никто не будет в это вмешиваться, здесь действует архиерейская власть. Но должны быть процедуры, которые бы давали обоснование принятию этих решений. Полезно то, что освобождение от должности того или иного члена профессорско-преподавательской корпорации становится известным всюду. Уже приходится подумать, действительно ли это объективное решение, или просто епископ недоволен и некий человек не нравится по субъективным причинам. Я думаю, что такое динамичное равновесие на сегодня определенно есть. Повторю, мы никак не вмешиваемся в полноту архиерейской власти.

Заочное обучение морально устарело

— Сейчас соотношение между заочным и очным секторами количественно склоняется в пользу заочного, а с точки зрения качества вы констатируете, что такой тип образования гораздо хуже очного. Есть ли какие-то

планы по отмене заочной формы обучения или ее реорганизации?

— Да, здесь перспектива очевидна. Прежнее заочное образование, которое заключалось в изучении пособий, написании какого-то количества письменных работ и необходимости два раза в год приезжать на сессии с прослушиванием разного объема и разного качества установочных лекций и в дальнейшем сдаче экзаменов и зачетов, будет заменяться на дистанционное образование, что предполагает пусть удаленный, но регулярный контакт учащегося с преподавателем. Не просто прослушивание лекций или прочитывание книг, но еженедель-

ное, ежемесячное выполнение заданий, тестов, коммуникации с преподавателями, фактическое проведение удаленных семинаров и так далее. За последние годы на базе Московской духовной академии, силами в основном преподавателей Московской духовной академии, были составлены полноценные электронные курсы по всей программе бакалавриата и подготовительному профилю. У нас бакалавриат на сегодня покрыт этими курсами. Из тридцати четырех духовных школ, имеющих действующий заочный сектор, четырнадцать семинарий сегодня используют систему дистанционного обучения. Идея состоит в том, что если не в ближайшей, то в среднесрочной перспективе нужно перейти к полной замене заочного обучения дистанционным. При нынешней системе информатизации, развитии

интернет-технологий, конечно, заочный сектор — это нечто морально устаревшее.

— *Как сейчас развивается научная, богословская работа в семинариях?*

— Во-первых, столько научных мероприятий, сколько проводится в последние годы в духовных школах, не было никогда. Проводятся научные конференции — международные, всероссийские, региональные. Мы стараемся

которая имеет несколько качественных периодических изданий. Поскольку растут требования к острепенности, то и количество защищаемых преподавателями диссертаций тоже растет.

С 2011 года действует Общецерковный докторский диссертационный совет, созданный на базе Общецерковной аспирантуры и докторантуры, ПСТГУ, МГУ и РАНХиГС. Некоторое время назад Священным Синодом было принято решение о создании в Русской Православной Церкви второго докторского совета на базе Санкт-Петербургской, Московской и Минской академий. В этот совет на сегодняшний день заявлены и закреплены темы пятнадцати докторских диссертаций. И в основном это преподаватели наших духовных школ, представленные в широком географическом диапазоне. То есть мы ждем в ближайшие годы значительного прироста докторов. Я подчеркну, что одной из важных задач системы духовного образования является обеспечение самовоспроизводства. На сегодня, конечно, большая часть остепененных преподавателей — это лица со светским образованием, привлекаемые из региональных университетов и вузов, что, с одной стороны, очень хорошо. С другой стороны, должно обеспечить воспроизводство качественных преподавателей внутри системы высшего духовного образования. Сейчас мы находимся у порога и в ближайшие годы надемся на серьезный коли-

Повысить квалификацию кандидата богословия не учившемуся, в светском университете, невозможно. Это нонсенс.

собрать на сайте Учебного комитета сведения о наиболее значимых работах и опубликовать их. Откройте сайт любой семинарии, и вы увидите, что теперь это часть их жизни. А еще десять лет назад этого и близко не было. В лучшем случае проходило что-то разовое, и то в самых центральных духовных учебных заведениях. Растет уровень издательской активности и уровень самих периодических изданий в семинариях. В каждой семинарии должно быть, как в вузе, регулярное периодическое издание, как минимум ежегодное. Если говорить о наших лидерах, то это Санкт-Петербургская духовная академия,

чественный рост кандидатов и докторов, выросших именно в наших духовных школах.

— *Вы упомянули Минск. Как складываются отношения с учебными заведениями вне Российской Федерации?*

— Есть свой Учебный комитет у Украинской Православной Церкви. Тут у нас скорее взаимодействие на уровне научных мероприятий, конференций. Недавно в конференции Сретенской духовной семинарии «Бог, человек, мир» с важным докладом дистанционно участвовал митрополит Климент (Вечера). Киевская духовная академия является весьма развитым, продвинутым и основательным высшим духовным учебным заведением. По понятным причинам контакты ограничены с точки зрения личного участия в научных мероприятиях.

Наиболее близка к российской ситуация в высших духовных заведениях Белоруссии. Я уже упомянул Минскую духовную академию. Старается поддерживать должный уровень высшее образовательное заведение в Казахстане. Ректором Алматинской семинарии является епископ Каскеленский Геннадий, много поработавший в духовных школах России. В семинарии достаточное количество учащихся, и в целом у меня позитивное впечатление от того, что происходит в ней. В определенного рода геополитическом контексте находится наша семинария в Ташкенте, где уменьшается количество русскоязычного православного населения. Здесь задача более скромная, но, с другой стороны, именно здесь важно наличие региональной школы, которая поможет готовить кадры из числа местного населения. К сожалению, затруднено взаимодействие с Рижской духовной семинарией. Но тут уже вопрос статуса Православной Церкви в Латвии. В Молдове существует богословский факультет, но в Учебном комитете нет специалистов, владеющих молдавским языком. Поэтому полноценно представить ситуацию на Кишиневском духовном факультете непросто. Но понятно, что на молдавском языке клириков могут готовить только в Молдавии. У нас есть взаимодействие с духовным высшим учебным заведением Русской Православной Церкви Заграницей в Соединенных Штатах Америки. Семинария в Джорданвилле периодически обращается за помощью, и преподаватели Московской духовной академии несут теперь там послушание. Интенсивно разви-

вается духовное училище фактически семинарского статуса в Чикаго. Расположенное в большом городе, открытое к современным дистанционным технологиям, оно сегодня имеет значительно большее количество студентов, чем историческая семинария в Джорданвилле. В свое время решением Священного Синода статус Парижской духовной семинарии был определен как духовно-образовательный, духовно-просветительский центр с сохранением исторического названия духовной семинарии, учитывая некоторые особенности юридического нахождения во Франции. Сегодня здесь не занимаются подготовкой священнических кадров. После радостного объединения с Парижской Архиепископией возникла возможность развития взаимодействия со Свято-Сергиевским институтом в его нынешнем положении. И было соответствующее указание Святейшего Патриарха о визите туда делегации из России. Но из-за ограничений, связанных с ковидом, ждем, когда границы откроются и переезды станут возможны. Вот это, пожалуй, главное, что у нас есть на сегодня.

Об особенностях образования регентов и иконописцев

— *Помимо основной задачи воспитания будущих пастырей, у Учебного комитета есть обширные планы по систематизации дополнительного образования и для действующих священнослужителей, и по переподготовке преподавателей. А на последних заседаниях Синода были утверждены стандарты для регентов и иконописцев. Что здесь планируется? И насколько вообще имеет смысл вкладывать деньги и силы в то, чтобы учить писать иконы; насколько важно церковное музыкальное образование для нашей Церкви?*

— После того как базовый пастырско-богословский уровень семинарий приобрел понятные очертания, о которых мы говорили выше, речь зашла и об организации и систематизации церковно-певческого и иконописного образования. Очень большая работа была проделана по написанию и выработке регентского стандарта, который уже реализуется в восемнадцати духовных школах, в первую очередь в Санкт-Петербурге, где он имеет государственную аккредитацию. Здесь изначально было больше несогласованности, чем с пастырским профилем,

где хотя бы было одинаковое количество лет обучения и все же близкий образовательный стандарт. А регентов где-то учили два года, где-то три, где-то три с половиной. В большинстве семинарий выпускали все же не столько регентов, сколько певца, точнее, певицу. Часто это была певица левого хора, которой для работы в храме требовалась профессиональная переподготовка. Была поставлена задача выйти на регентское образование там, где есть возможность подготовки именно руководителей церковных хоров. Там, где такого нет, также был разработан церковно-певческий стандарт, но уже среднего специального образования, который тоже вполне допускает возможность реализации. Очень большую роль в этом сыграла декан факультета церковных искусств Санкт-Петербургской духовной академии Елена Михайловна Гундяева, которая последовательно задавала высокую планку для регентского образовательного стандарта. И благодаря сотрудничеству со всеми регентскими школами этот стандарт был выработан и реализуется сейчас. Все мы знаем проблему церковных хоров, где часто поют люди, не умеющие петь, либо профессионалы, но совершенно внешние по отношению к церковной действительности и воспринимающие храм как источник заработка. Мы исходим из того, что выпускница регентской школы будет формировать хор, с одной стороны, из профессионалов, с другой стороны, из не чужих Церкви людей.

Еще более разноплановая ситуация была с иконописными школами. Если в регентских школах очевидным лидером был Санкт-Петербургский факультет, то и в иконописном деле у нас есть центральная точка — это иконописная школа Московской духовной академии, традиции которой были заложены приснопамятной Иулианией Соколовой и которую много лет возглавляет игумен Лука (Головков), собравший уникальный преподавательский состав и накопивший опыт по подготовке иконописцев, соединяющих богословское понимание иконы с необходимыми профессиональными навыками.

— Потребность в таком профессиональном образовании связана с большим количеством новых строящихся храмов?

— У нас в целом неоднозначная ситуация с развитием церковного искусства. С одной сто-

роны, строится много храмов и какими-то иконами они заполняются. С другой стороны, развитие иконы как живого творчества отнюдь не везде имеет место. Мы видим бесконечные реплики одних и тех же изображений, иногда не очень высокого качества, и очень важно изменить эту ситуацию. Но образование иконописцев еще более индивидуально, чем регентов. В этом смысле предписанный стандарт не унифицирует разнообразные традиции, существующие в нашей Церкви, но предполагает, что на выходе определенного рода умения, знания как богословские, так и специально художественные будут присутствовать каждому выпускнику, получающему диплом общецерковного образца. Задача такая же, как для пастырского отделения: чтобы выпускник любой семинарии знал, что его в принципе учили тому же, что и в Москве и Петербурге.

Внутренняя свобода духовного образования

— Отец Максим, вы говорили о взаимоотношении духовного и светского образования и определенной встроенности духовного образования в систему светского высшего образования в России. Как вы видите цель: духовное образование следует максимально приблизить к нынешнему светскому образованию или добиться, чтобы через несколько десятилетий духовное образование стало чем-то самостоятельным и независимым от светского?

— Проблема в значительной мере связана с нестабильностью системы высшего образования в России. Количество реформ и изменений, объективно говоря, зашкаливает. Изменяются стандарты, требования, при этом есть стойкое ощущение, что новые тенденции и веяния ведут к неадекватной нагрузке на образовательные учреждения. Поэтому нам лучше находиться в системе близости, но не включенности, я бы так сказал. И Святейший Патриарх неоднократно говорил, и всем ответственным труженикам на этом поле понятно, что мы должны сохранять внутреннюю свободу, внутренний строй и специфику системы высшего духовного образования. Мы — духовная семинария, они — теологический факультет государственного вуза. И мы должны сохраняться духовной школой, а не факультетом теологии. Убежден,

что подготовка клириков и в будущем должна осуществляться в закрытых учебных духовных заведениях семинарского типа с проживанием большей части учащихся в стационаре и с неразрывным прохождением не только учебы, но и совместной молитвы, а также опыта взаимодействия и претерпевания друг друга, от сокурсников до администрации, во время обучения. Думаю, что таким должен быть кардинальный путь для большинства. При этом, конечно, уже многое сделано для признания нашего статуса. Это и возможность получения аккредитации духовными школами, и статус теологии как научной дисциплины в России. Но нельзя сказать, что сделано все. Скажем, повышение квалификации нашими преподавателями, не получившими высшего светского образования, но имеющими высшее духовное, на сегодня не урегулировано. То есть при желании получить повышение квалификации, которое бы признавалось государством при проверке вуза, необходимо иметь предварительно высшее светское образование. А почему, собственно, если речь идет о нашей системе и при этом самим же государством наши степени при расчете остепененности вуза засчитываются? Но повысить квалификацию кандидата богословия не учившемуся в светском университете невозможно. Этот нонсенс. Мне бы хотелось, чтобы прежде всего лучшие из духовных школ стали бы такого рода вузами, фактическое признание которых со стороны общества значило бы больше, чем бумажки от органов, которые их проверяют, чтобы сам диплом без всякого рода дополнительных проверок и аккредитаций говорил бы о квалификации человека, получившего достойное образование.

— Вы сейчас говорили о воспитании пастырей внутри семинарской системы. А можно ли, суммируя все, о чем мы сейчас говорили, — о контроле, о системе, об оценке, о критериях — говорить об этом как об инструментах, с помощью которых на выходе из семинарии мы увидели бы достойного пастыря, готового предстать у престола Божия. В этом ли задача Учебного комитета и всей его деятельности?

— Безусловно. Мы сейчас обсудили, как правильно сформировать состав поезда, который едет: какой должен быть паровоз, кто должен

сидеть в вагонах, что там должно быть. А ведь можно и нужно еще говорить о том, куда идет дорога. Не может быть у духовной школы другой кардинальной цели, кроме как подготовка священника, верного Богу, Церкви и стремящегося послужить народу Божьему. Только это является целью и оправданием всех церковных учреждений, которые ради того и трудятся. Но здесь всегда двуединство: тех, кто организует и учит, с теми, кто приходит учиться. Мы можем научить и организовать, но сам человек должен идти к той цели, ради которой семинария существует. В Сретенской семинарии на воспитательском совещании разбирался случай: молодой человек к концу первого курса подал заявление о переводе в ПСТГУ. И на вопрос «почему» он сказал, что не готов быть священником, не может брать ответственность за людей. Я за такую честность. Чтобы ни в коей мере не было ситуации, которая имела место в дореволюционной жизни, когда в семинарию шли получать образование просто потому, что так сословно предполагалось. Дай Бог, чтобы это никогда не воспроизвелось.

— Читатели священники и семинаристы прочтут это интервью в самые первые пасхальные дни. Ваши слова напутствия для учащихся, многие из которых в эти дни завершат свою учебу и будут выходить уже на служения Церкви.

— Дорогие наши выпускники! За годы обучения вы уже очень многое узнали не только с точки зрения церковной образованности и системы знаний, но и с точки зрения того, что из себя сегодня представляет практическая церковная жизнь. Я очень хочу, чтобы это знание сделало вас опытнее, подготовленнее, но никак не угасило стремления без розовых очков, но мужественно, как воины Христа Бога нашего, выйти на предстоящее служение. Не надо огорчаться немощами, которые мы можем видеть в текущей церковной действительности и в разного рода церковных людях. От вас, сегодняшних выпускников, зависит будущее нашей Церкви. Будьте мужественны, и Бог вам поможет.

Беседовал священник Александр Волков
Фото Михаила Еремينا

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В том числе: 7781 обучающийся по программам бакалавриата (в РФ 6796); 953 обучающихся по программам магистратуры (в РФ 849); 225 аспирантов (в РФ 206); 252 учащихся регентских отделений (в РФ 244); 130 учащихся иконописных отделений (в РФ 130).